

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я много пишу о национальных проблемах – как в русской, так и в советской армии. Впервые столкнувшись с ними в Советской армии в конце 80-х годов, я попытался спустя много лет проанализировать причины появления такого явления, как «землячество». Оказалось, что корни этой нелицеприятной реалии наших дней лежат глубоко в прошлом, в царской армии. Результатом этого исследования в какой-то степени является книга «Русская армия как зеркало национальных противоречий».

За рамками этой работы осталось главное, недосказанное. Иными словами, то, что не имело прямого отношения к теме. То есть я не пытался связать свой личный опыт с историческим. По разным причинам. И вот теперь хочу наверстать упущенное.

У нас в конце 1980-х годов в армии были непростые взаимоотношения, в частности, с выходцами из Средней Азии («чурками» или «урюками» на армейском жаргоне) и кавказцами.

Многие слова произносились не с «глазу на глаз» и «один на один», а доносились из толпы, от стоявших особняком товарищей с «братского Востока». Понять, кто конкретно из смеющихся нехорошим смехом тебя «наградил» грязным прозвищем, естественно, не было никакой возможности.

Так и общались. Так и жили.

Потом, со временем, это стало «достоянием» всей страны. В эпоху гласности поначалу заговорили о «дедовщине», а потом и о сопутствующих этому омерзительному феномену проявлениях.

Причина открытых столкновений на бытовой почве порой являлась разница в менталитете, образовании, религии, да и вообще в исторических взглядах на жизнь.

Ну и что такого, скажете вы? Полно случаев, когда и с соседями по лестничной площадке происходят мелкие стычки на этой самой «бытовой почве». Да, конечно. Только не надо забывать, что армия – это не лестничный проем, а твои сослуживцы – не соседи по подъезду. Там, на «гражданке», ты можешь пройти мимо неугодных тебе людей, не замечать и не общаться вовсе, а в армии (хочешь – не хочешь) вступать во взаимоотношения приходится. И часто не по своей воле!

Армия – это не просто бездонная топка, где пропадают огромные бюджетные суммы. Это еще и отдельный мир со своими законами, своеобразная «лестница Иакова», где каждая ступень (звание и должность) – есть восхождение на вершину, к «самому Небу». Армия – это также иде-

альная система раздачи регулярных наказаний, т.е. замкнутое сообщество мужчин, где длительное время все варится «в собственном соку», без оглядки на окружающий мир. Армия – это важнейшая кузница и поставщик отборного обработанного отбивного «материала», который можно использовать в дальнейшем на любом участке. Где старшина или сержант-«дедушка» в роте – царь и Бог, где «сор из избы» никогда не выносятся, ибо предпочитают не разглашать «военную тайну».

Офицер – хозяин положения лишь днем. А потом он спешит домой, к жене и детям. Ночью же в казарме наступали совсем иные порядки и действовали «законы джунглей».

При этом, «деды» могли запросто сделать так, что офицер будет подставлен и фактически попрощается со своей карьерой, а могли просто держать в узде всю казарму и гарантировать хоть и относительный, но все же порядок. Взамен офицер закрывал глаза на дедовщину и не вмешивался. Командир взвода будет выгораживать сержанта, ротный будет покрывать взводного, комбат все спустит на тормозах.

* * *

– Ну, хорошо, – спросите вы. – А в чем конкретно выражалась «эта самая разница» в менталитете? И чем, собственно, она так мешала и кому именно?

Хороший вопрос. Я бы сказал – главнейший. В точку!

Отвечу. Например, в попытках «откосить» от какой-либо тяжелой работы, наряда, схитрить, используя «служебное положение» и влияние земляков. Многие жили по принципу: «работать я не буду, мыть полы тоже», и так далее. Мол, не позволяет религия.

Русские ребята в большинстве своем простачки, «Ваньки» – слишком доверчивые и бесхитростные. Так уж исторически сложилось. Далеко не все могли и умели выжать максимум из какого-нибудь подходящего момента, т.е. использовать его в своих интересах. А вот некоторым представителям нацменьшинств это удавалось.

Так, во время общей чистки картошки, которая порой продолжалась до полуночи и дольше, земляки-«деды» могли позвать (под каким-нибудь незначительным видом) одного из соплеменников в каптерку или на кухню, где те, естественно, на время освобождались от утомительной работы. Стоя в стороне и посмеиваясь над тем, как остальные – представители «титупной нации» работают («за себя и за того парня»), узбеки, вероятно, получали немалое моральное удовлетворение.

Среднеазиаты постоянно демонстрировали свое неумение работать с техникой, а также незнание русского языка. Такой стиль поведения являлся вполне сознательной тактикой уклонения от армейских обязанностей. Один мой сослуживец хорошо раскрыл их сущность, описав манеру

поведения следующим предложением: «В первый год службы среднеазиаты ничего не делают потому, что они ”не понимают”, а во второй год – потому, что им, как старослужащим, уже “не положено”».

Поведение среднеазиатов в значительной мере определялось их численностью и удельным весом. При относительно небольшом числе (5–10 человек на роту) они занимали подчиненное положение, и, как правило, образовывали наиболее униженную социальную прослойку. Но доминирующее положение они занимали, как только оказывались в большинстве, и при этом начинали проявлять большую жестокость.

Лично мне приходилось драться с узбеком и туркменом. Их было двое. Однопризывники, причем. Выясняли, таким образом, отношения – то есть, я не дал им возможности «сесть на шею».

Кавказцы вспыхивали как спички от неправильно (или необдуманно) сказанного слова или неверно выбранной интонации, стремились показать себя «с лучшей стороны», как они считали, продемонстрировав свою силу и ловкость. Поэтому часто приходилось следить за своими словами, чтобы невзначай «не обидеть» какого-нибудь горца.

– Э! Что ты про мою маму сказал, а?

А вот унижить исподтишка, путем проявления силы, внезапного удара, решить любую проблему «наскоком», нахрапом – это было весьма характерно для любого жителя этого региона. Все, как в период знаменитой Кавказской войны XIX века – напали ночью на бивак русской армии, и растворились в темноте... Иди ищи их потом.

В общем, в целях адаптации к суровым армейским условиям, кавказцы постоянно демонстрировали свою агрессию. Это было средством самозащиты. В отличие от среднеазиатов, кавказские землячества почти никогда не отличались своей численностью. И это не удивительно – население Средней Азии было в несколько раз больше.

У офицеров была тоже непростая ситуация. Приходит в батальон розовощекий лейтенант 20-ти «с копейками» лет от роду, а перед ним стоит 30 человек разных национальностей и вероисповеданий. И во всех этих тонкостях следовало разбираться. Не все люди были к армии приспособлены.

* * *

– Ладно, – скажут некоторые. – А на что, собственно, это вся мелочь влияла? На боевую подготовку войск, на взаимоотношения между солдатами во время войны? Чем, собственно, могли обернуться эти так называемые «трения на национальной почве» во время серьезных военных конфликтов? Невыполнение приказа или что-нибудь похуже?

Спрошу прямо: Россия проиграла Первую мировую войну, но какая доля этих проблем лежала в основе проигрыша?

Что, бездарность высшего командования, некомпетентность некоторых генералов, неподготовленность тыла были не важнее «национальных противоречий»?

Конечно, были. И глупо было бы всерьез на это полагаться и оправдывать поражения только каким-то трениями. Тем более что среднеазиатов в русской армии тогда практически не было.

Лично мне, конечно, абсолютно не мешали наши не совсем простые взаимоотношения с узбеками или киргизами бежать по боевой тревоге и выполнять все предначертанные Уставами обязанности.

То есть, мне ничто не мешало защищать Родину. Естественно, я никогда бы не оправдал свое поведение тем, что какой-то там узбек или кавказец «перешел мне дорогу» или национальная неприязнь заставила меня перейти границы дозволенного.

Тогда в чем дело? Что зря толочь воду в ступе и делать из мухи слона? Потому что, не муха это!

Собственно, еще перед началом Первой мировой войны на «национальный фактор», как на «пятую колонну» (*quinta columna*), очень надеялись царские генералы, затеявая на юго-восточном направлении удар по Австро-Венгрии, как наиболее слабому противнику во всех отношениях. Считалось, что «лоскутная империя» Габсбургов, составленная из разношерстной публики (немцев, венгров, чехов, словаков, хорватов, поляков, русинов и т.п.), не жизнеспособна и, стоит только надавить, она моментально развалится под ударами русского штыка.

Чтобы оправдать такие масштабные экспансионистские замыслы, потребовалось концептуальное обоснование. Идеологическим знаменем военной кампании XIX – нач. XX века было славянофильство и его постепенная трансформация в панславизм. В основе подобной идеологии лежали идеи о необходимости славянского национального политического объединения на основе этнической, культурной и языковой общности. Естественно, под началом России, как наиболее мощного славянского государственного образования. Российской военной элите XIX века эти идеи пришлись как нельзя кстати, поскольку они полностью оправдывали милитаристскую политику государства, а заодно являлись весьма привлекательными лозунгами и для простого народа: защиты слабого от сильного, т.е. «меньших братьев» славян от угрозы иноверцев (турок) или католиков.

Думаю, русские генералы прекрасно понимали, что принцип *quinta columna* работает лишь при определенных условиях. Во-первых, требовалось наличие двоякой ситуации – чтобы «судьба империи висела на волоске», а маятник раскачивался в разные стороны. И, во-вторых, цена вопроса должна быть очень высока.

Подобные примеры в истории встречались довольно часто. Особенно в Средневековье. Так, например, перед Ангорской битвой 20 июля 1402 года с войсками турецкого султана покоритель Средней Азии Тимур (Та-

мерлан) прибеж к излюбленной восточной тактике – подкупу. Хромец знал, что султан давно не выдавал жалованье, что в его войсках много недовольных, особенно среди анатолийских беев. Он послал лазутчиков к беям, пытаясь склонить их на свою сторону. И это ему удалось. В ходе битвы на левом фланге отряды анатолийских беев и 18 тысяч наемников-татар перешли на сторону противника, чем предопределили исход сражения. Разгромив фланги, Тимур бросил в атаку резерв и окружил главные силы турок. Преимущество войск Тимура было подавляющим. Янычары были перебиты, а сам султан Баязид взят в плен.

В данном случае, деньги оказались выше общеимперских стимулов вроде чести и долга, что в принципе, было в ходу у восточных народов. Нечто схожее было и у европейцев: сегодня ты воюешь с одним против другого, а завтра – уже наоборот. Так, например, в огромной французской армии, вторгшейся в 1812 году в пределы России, находились недавние союзники русского Императора по антинаполеоновской коалиции – Пруссия и Австрия. Например, 10-я армия маршала Макдональда включала в себя 20 тысяч союзных солдат Пруссии (2 пехотные дивизии и 3 тысячи легкой кавалерии), а также прочих немцев и поляков. А 12-й корпус генерала Шварценберга (33–34 тыс.чел.), располагавшийся на правом фланге против армии генерала Торماسова, состоял из австрийцев.

То есть, опять-таки мы видим интересную картину: воюют за того, кто дает больше денег и привилегий, кто больше заплатит. То есть, за сильного! И никаких понятий о чести и достоинстве (или наоборот, свои собственные понятия).

Великая Французская буржуазная революция заложила мину замедленного действия, признав право каждой нации на самоопределение. В 1792 году папские анклавы Авиньон и Венсенн присоединились к Франции на основе плебисцита. Чуть позже, Наполеон раскромсал Священную Римскую империю, создав из мелких княжеств самостоятельные государственные объединения.

И каждый суслик стал в поле агроном!

* * *

Мне скажут: «Да что за чушь! В советской истории были маршалы поляк Константин Рокоссовский и армянин Иван Баграмян, генералы армии еврей Яков Крейзер и осетин Исса Плиев, генерал-полковник грузин Константин Леселидзе, и много еще кто».

Да, верно. Разница лишь в обстоятельствах.

Во-первых, все эти примеры единичны.

Во-вторых, Советский Союз, где генералами были эти лица, войну выиграл, в отличие от Российской империи, которая свою главную войну в итоге проиграла. СССР, будучи жестко сцементированным и увенчан-

ным свежей «народной идеей» государством, оказался на плаву. Поэтому разбежаться в разные стороны ради какой-то иной национальной идеи не было никакого смысла (хотя попытки имелись, если вспомнить генерала Власова и его РОА). К тому же и повода особого не было.

Совсем иное дело – оставаться у «разбитого корыта» и ждать «Судного дня». Когда крысы бегут с тонущего корабля, самое время подумать, прежде всего, о своем будущем – кто ты и с кем ты.

Ну, и, конечно, кто больше заплатит. Как тут без денег?

Яркий и противоположный пример – развал Союза ССР в начале 90-х годов. Когда ослабла центральная власть и появилась возможность каждому национальному меньшинству бывшего братства народов создать свое «независимое гнездышко», подобным случаев моментально воспользовались.

В мировой истории были примеры другого порядка. Когда империя уже развалилась, и ее не существовало формально и фактически. И тут уже приходилось выбирать: а где, собственно, находится и кому теперь служить?

Например, самым высокопоставленным чехом в австро-венгерской армии в 1918 году был Алоис Подгайский (1864–1946). Во время войны (с 1 апреля 1914 года) он состоял командиром 42-й армейской пехотной бригады в Праге. 10 августа 1917 года произведен в фельдмаршалы. Он считал, что военный не должен заниматься политикой, поэтому, не изменяя национальным корням, честно служил монархии до самого конца. 16 декабря 1918 года присягнул на верность Чехословацкой Республике, где все же с подозрением относились к бывшим «австриякам». Тем не менее, профессионализм Подгайского пригодился и новой власти. 15 мая 1923 года он получил из рук маршала Фоша Командорский крест Почетного легиона. Исполнял обязанности начальника Генерального Штаба, а 30 декабря 1926 года назначен Генеральным инспектором Вооруженных сил. В 1933 году вышел в отставку. Во время нацистской оккупации Подгайский подал прошение властям Протектората Богемии и Моравии о выделении ему дополнительного денежного содержания, установленного для бывших военнослужащих австро-венгерской армии. В 1945 году Подгайский дорого заплатил за это: 71-летнего отставного генерала на месяц арестовали, а затем лишили воинского звания и снизили пенсию. Через год опальный военный скончался.

* * *

Хорошо. Мог ли генерал из этнических меньшинств быть настолько преданным центральной власти, что смог бы пожертвовать своей национальной идентичностью?

Да, такие примеры в мировой практике имеются. В частности, в стане наших союзников по Венскому конгрессу 1815 года, а затем и недругов по Первой мировой войне – Австро-Венгерской империи.

Таковым являлся, например, этнический хорват, генерал-фельдмаршал Светозар Бороевич фон Бойна (1856–1920). Бороевич командовал корпусом в Галицийской битве, а в сентябре 1914 года сменил генерала Рудольфа Брудермана на посту командующего 3-й армией. В октябре того же года Бороевич заставил отступить 3-ю русскую армию Радко-Дмитриева и деблокировал осажденный Перемышль. Зимой 1915 года генерал оборонял проходы в Карпатах против 8-й русской армии генерала Брусилова. Брусилову удалось захватить Дукельский и Лупковский перевалы, но он не продвинулся дальше. Весной 1915 года, после Горлицкого прорыва, Бороевич участвовал в общем наступлении и занял Перемышль. 1 февраля 1918 года был произведен в фельдмаршалы и сменил эрцгерцога Евгения на посту Главнокомандующего войсками на итальянском фронте. Когда было получено сообщение о перемирии, он отвел верные части к Вельдену и предложил императору Карлу идти в Вену, чтобы подавить восставшую толпу. Карл, однако, отказался, не желая проливать кровь своих поданных. Таким образом, присяге и короне этнический хорват Бороевич оставался верен до самого конца. После войны фельдмаршал решил стать гражданином новосозданного государства — Королевства сербов, хорватов и словенцев, но соплеменники не приветствовали это решение, и Бороевич был вынужден вернуться в Австрию. Учитывая его первоначальный порыв, теперь он не получал пенсию ни от Австрии, ни от Югославии, а был вынужден жить в стесненных обстоятельствах — его единственным доходом была пенсия «Военного ордена Марии Терезии». В результате Бороевич умер от инсульта в австрийском городе Клагенфурт в 1920 году.

Другой этнический хорват, Стефан Саркотич фон Ловчен (1858–1939), генерал-полковник имперской армии. Саркотич командовал войсками при разгроме сербских и черногорских войск и руководил оккупацией Черногории в 1916 году. Будучи хорватским патриотом, Саркотич во время своего губернаторства предложил объединить Королевство Хорватии и Славонии с Боснией и Герцеговиной. Однако его инициатива так и не была осуществлена. Генерал был настроен против Карагеоргиевичей и не одобрил преобразование вновь учрежденного Государства словенцев, хорватов и сербов — в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Поэтому югославские власти заключили его в тюрьму. После освобождения Саркотич уехал в Вену, где и умер.

Судьба обоих высокопоставленных военных типична. Первый оставался преданным тем идеалам и той стране, в которой вырос, сохранил до конца верность присяге и за это был отвергнут своими же соотечественниками. Второй, националист, выступавший за создание своего небольшого «королевства», был также не понят панславянскими собратьями и также был отвергнут. Оба закончили свои дни в австрийских городах.

* * *

Заканчивая эту обширную тему, я хочу сказать следующее. История (в том числе и нашего времени) ярко показывает, что национальная идентичность всегда будет превалировать над любым общеимперским долгом. В первую очередь, ты – хорват, украинец, грузин и т.п., а во вторую – подданный огромной империи, в которой и без тебя кишмя кишит различными народностями. И очень тяжело отказаться от заманчивого предложения, отвести от себя гнев и проклятие соотечественников.

Сколько бы и какими бы усилиями ни собирались империи, центробежные силы всегда будут иметь место. Потому что «своя рубашка ближе к телу». Каждый хочет быть маленьким начальником, «первым парнем на деревне». А уж в город мы поедem тогда, когда деревня развалится.

Что бы там ни говорили большие государственные мужи с высоких трибун, какие бы патриотические фильмы и программы ни показывали, о каких бы духовных скрепах и прочих ни вещали, всегда будет существовать (гласно или негласно) определенный лимит внутри государства на различные назначения: есть «титовская нация», представители которой и должны составлять основной костяк.

Остальное – долгий процесс лоббирования собственных интересов и борьбы многочисленных группировок. Причем, чем больше этих самых группировок, тем сложнее процесс назначения на должность, тем сильнее сопротивление, тем меньше договороспособность.